

— Ха, это «случайность», действительно очень случайная, ничего умышленного, — сказал Лю Лян. — Эти низкопробные лекарства и благовония, как они могли появиться в доме герцога? Этот замысловатый план, все эти хитросплетения, и всё это ради того, чтобы подставить моего сына? Я действительно чувствую себя польщённым.

— Давайте всех вызовем и допросим, найдите этих людей, и пусть сначала получают по десять ударов палкой, а потом уже будут говорить, — сказала госпожа Жэнь. — Совершить такую подлость, это просто отвратительно.

— Подождите, — вмешался Лю Хао. — Пусть кто-нибудь сходит в переулок и позовёт седьмого дедушку, четвёртого дедушку и нескольких старейшин рода. Пусть они станут свидетелями этого дела.

— Старший сын, что ты задумал? — с гневом спросила мать Лю. — Ты игнорируешь мои слова?

— Мама, я просто хочу, чтобы старейшины стали свидетелями. Я ничего не задумываю, — ответил Лю Хао.

— Дядя, видишь, как бабушка расстроена, давай всё отложим до завтра, хорошо? Ничто не важнее здоровья бабушки, — сказал Лю Лан, кашляя.

Мать Лю, разрываясь между гневом на сына и заботой о внуке, устроила сцену, и все забыли о деле Хуньюй.

Ян Цяо, вынужденный наблюдать за этой семейной драмой, вдруг почувствовал, что кто-то трогает его руку. Он опустил взгляд и увидел, что это Лю Сюнь. Тот, встретив его взгляд, подмигнул, а затем закрыл глаза и мягко сполз со стула на пол.

— Сюнь! — с криком бросилась к нему госпожа Цяо, подхватив его на руки.

В комнате воцарилась тишина. Ян Цяо, придя в себя, сказал:

— Лю Сюня отравили. Я дал ему противоядие, но оно могло не до конца подействовать. Нужно срочно вызвать врача, чтобы он осмотрел его. Ведь это может быть связано с предыдущим лекарством, и мы не знаем, как это отразится на его состоянии.

Госпожа Цяо зарыдала, бросившись к Фэйси и схватив её за одежду.

— Кто приказал тебе это сделать? Кто? Если с Сюнем что-то случится, я потребую жизнь за жизнь!

Фэйси, вырываясь, кричала:

— Госпожа, спасите меня!

— Твою жизнь я не спасу, — холодно сказала госпожа Жэнь. — Ведь это не я выплатила долги твоего брата и не я купила землю твоему возлюбленному в деревне. У меня есть деньги, и я удивляюсь, почему ты не попросила их у меня, а пошла к другим. Ты уже давно не предана нашему дому, так что не притворяйся верной.

Фэйси почувствовала, как её сердце опустело. Госпожа всё знала? Значит, этот заговор, она была тем, кто стоял за всем этим.

Дом герцога Чжэньго собирался разделиться.

Это было темой обсуждения на улицах Шэньду. Создать семью, построить карьеру, вырастить детей, а затем разделить наследство — это было естественно. Но в доме герцога Чжэньго, после смерти старого герцога, они не разделились. Прошло три года траура, а разделения не произошло. И вот, спустя десять лет, пять братьев, независимо от того, кто был их матерью, продолжали жить вместе.

Мать любила сыновей, братья жили в мире. Верите вы в это или нет, но внешне всё выглядело именно так.

А центр событий, дом герцога Чжэньго, после той ночи погрузился в мрачную атмосферу, полную предчувствия надвигающейся бури.

В ту ночь Лю Сюнь, притворившись, что потерял сознание, остановил попытки матери замять дело. Его вынесли, чтобы вызвать врача, и он пропустил дальнейшие события. Лю Хао не стал говорить о разделении сразу, старейшин можно было вызвать позже, но он настаивал на том, чтобы выяснить правду. Мать Лю, не имея выбора, согласилась. Слуги и служанки, получив несколько ударов палкой, начали говорить всё, что знали.

Все предыдущие улики указывали на Фэйси, и мать Лю хотела на этом закончить, но госпожа Жэнь не собиралась брать на себя вину. Она кричала о несправедливости, игнорируя попытки Фэйси доказать свою преданность и даже угрозы самоубийства, и раскрыла некоторые факты.

Например, что в той комнате, где должен был быть отравлен Лю Сюнь, находилась не Хуньюй, а другая служанка, Люйла. Люйла видела, как Лю Чжан и Хуньюй были в комнате, и, испугавшись, ушла.

Например, что Фэйси, которая клялась в преданности госпоже Жэнь, на самом деле была пешкой третьей тётушки.

Например, что ребёнок Хуньюй был от четвёртого дяди.

Четвёртый дядя выглядел невинно.

— Я спал с множеством служанок, не помню, была ли среди них Хуньюй.

Всю жизнь он окружал себя наложницами, но так и не смог зачать сына, поэтому его главной целью было продолжение рода. Он бросался на любую женщину, как на поле боя.

Лю Хао встал и ударил его по лицу.

— Это служанка из дома твоей невестки! Ты совсем забыл о приличиях?

Четвёртый дядя, ошеломлённый ударом, а мать Лю вскрикнула:

— Зачем ты его ударил?

— Мама, — с гневом сказал Лю Хао.

— Он уже взрослый человек, и ты ударил его при всех, ты подумал о его репутации? — кричала мать Лю. — Даже если ты старший брат, ты должен заботиться о нём, как отец, а не наказывать его.

Такие предвзятые слова окончательно охладили сердце Лю Хао. Он приказал вызвать старейшин, а третий дядя ударил третью тётушку, сказав, что разведётся с этой злой

женщиной. Третья тётушка рыдала, а Лю Лан, не выдержав, встал на колени рядом с матерью и сказал Лю Ляну и госпоже Цяо:

— Пятый дядя, пятая тётушка, моя мать не хотела зла, она просто хотела защитить меня, но выбрала неправильный способ. Она просто хотела подшутить, но не намеревалась разрушить будущее седьмого брата. Пожалуйста, простите её на этот раз.

— Старший сын, если бы замысел твоей матери осуществился сегодня вечером, я бы сейчас здесь была головой об пол, прося прощения. Кто бы тогда простил моего сына? — сказала госпожа Цяо. — Особенно теперь, когда он без сознания, и мы не знаем, что с ним будет. Старший сын, простите за прямоту, но если это не зло, то что тогда зло? Убийство и поджог?

Лю Лан не нашёлся, что ответить. Он всегда был в центре внимания, и никто никогда не осмеливался ему перечить. Теперь он чувствовал себя оскорблённым.

— Я говорю прямо, если ты хочешь разделить семью, то только через мой труп, — сказала мать Лю.

— Мама, пусть старейшины решат, стоит ли разделять семью, — сказал Лю Хао.

— Какие старейшины? Они просто зависят от нашего дома, кто будет считаться с их мнением? — сказала мать Лю.

— Тогда пойдём к могиле отца и спросим его, хочет ли он разделения, — сказал Лю Хао.

Мать Лю, не сумев добиться своего силой, попыталась действовать мягче, то хватая сына за руки и умоляя, то притворяясь больной. Но она недооценила решительность мужчины. Лю Хао, ненавидя эти дворцовые интриги, будь то зависть к талантливым членам семьи или непристойное поведение младшего брата, чувствовал, что терпение его достигло предела. Единственное, чего он хотел, — это разделения.

Лю Сюнь, чувствуя себя лучше, но всё ещё вынужденный пить горькие лекарства, хотел присоединиться к борьбе за разделение, но его силы были на исходе, и госпожа Цяо приказала ему оставаться дома. Он пролежал несколько дней, скучая, и, наконец, решил вернуться на службу.

Согласно законам империи, только в случае серьёзных событий можно было ремонтировать государственные учреждения.

Академия Ханьлинь, не имеющая значительных доходов, выглядела довольно убого. Лю Сюнь, хотя и был готов к этому, всё же был удивлён. Дэдэр, войдя в академию, не мог закрыть рот от изумления. Он не имел права свободно входить в академию, но на этот раз Лю Сюнь впервые привёл его с собой под предлогом доставки вещей.

Трое лучших выпускников экзаменов получили должности редакторов седьмого ранга, остальные стали безымянными учёными академии, а те, кто не попал в академию, должны были искать себе место самостоятельно. Однако, учитывая репутацию академии как места, где начинается путь к высшим должностям, каждые три года на весенних экзаменах появлялись новые надежды на высокие посты. Но эта старая, тёмная академия была переполнена разочарованными учёными.

Новые обладатели званий первого и третьего учёных ещё сохраняли свежесть восприятия. Новый первый учёный был учеником канцлера Жуй, а третий — сыном знатного дома. Кто

сказал, что в академии нет интриг? Эти двое получили столы в южной комнате, а второй учёный оказался в северной, где весь день было сыро и темно.

Стол, стул и книжная полка — вот всё, что составляло рабочее место Лю Сюня. Он пришёл последним, но его место оказалось не самым плохим — рядом с окном, откуда лился свет. Дэдэр, стараясь не стереть краску с табуретки, наблюдал, как Лю Сюнь здоровался с коллегами.

Всё было спокойно и тихо.

[Авторских примечаний, комментариев, послесловий или благодарностей в тексте главы не обнаружено.]

<http://bllate.org/book/16147/1446082>